

Оригинальная статья / Original article

УДК 394.014+391

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149>

Городская идентичность современных монгольских кочевников

© В.И. Терентьев

Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация: В представленной статье рассматривается феномен Улан-Батора – города, фактически вмещающего в себя все внешние представления о Монголии, одновременно, по своей сути, не являющегося Монголией и представляющего собой в социокультурном пространстве страны своеобразный отдельный город-государство. Определяется значение столичного этнокультурного наполнения, его образов и смыслов в самоидентификационных практиках современных монголов. Предлагается краткий исторический обзор градостроительной традиции монголов, демонстрирующий активное внешнее влияние и практически полное отсутствие индигенного характера в этом процессе. Подобное не является уникальным для кочевой культуры, вся сущность которой отрицает любую оседлость, статичность и неподвижность, наполняющую город. На основании социологических опросов и качественных наблюдений обращается внимание на одну важную парадоксальность современного монгольского социума. Она сводится, с одной стороны, к устойчивому обращению представителей старшего поколения к кочевым, скотоводческим традициям как основе существования современной монгольской нации и цивилизации, с другой стороны – к стремлению организовать жизнь своим потомкам в городе, а не передавать им ценности номадического общества. В заключение делается вывод, согласно которому именно город дает возможность бывшему монголу-степняку, переехавшему сюда на потенциальное постоянное место жительства, прочувствовать во всей своей полноте идентичность кочевника, не скованную рамками животноводческого хозяйственного комплекса, но наполненную переосмысленными в условиях урбанистического окружения образами и представлениями о собственной традиционной культуре. Именно представления о своей собственной культуре, выражающиеся чаще всего в понимании кочевничества как мобильном, подвижном времяпрепровождении, определяют актуальную этничность монголов.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, кочевничество, город, столица, идентичность, самосознание, этничность, молодежь

Информация о статье: поступила в редакцию 15 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 28 августа 2020 г.; принята к публикации 7 сентября 2020 г.

Для цитирования: Терентьев В.И. Городская идентичность современных монгольских кочевников // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 141–149. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149>

Urban identity of modern Mongolian nomads

© Vladislav I. Terentyev

Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract: This article examines the Ulaanbaatar phenomenon. The capital city of Mongolia actually contains all the external ideas about the country, but in essence it is not Mongolia, being a kind of city-state that exists separately in the country's socio-cultural space. The author defines the significance of the metropolitan ethnocultural space, its images and meanings in the self-identification practices of modern Mongols. A brief historical overview of the urban planning tradition of the Mongols is offered, which shows an active external influence and an almost complete absence of local character in this process. This is not unique to the nomadic culture, which denies any urban settlement, static and immobile. Based on opinion polls and qualitative observations, attention is drawn to one important paradox of the modern Mongolian society. It boils down, on the one hand, to the stable appeal of the older generation to nomadic, pastoral traditions as the basis for the existence of the modern Mongolian nation and civilization. On the other hand, it is associated with the desire to organize the life of their descendants in the

city and not pass on to them the values of the nomadic society. In conclusion, it is summed up that it is the city that enables the former Mongolian steppe, who moved here to a potential permanent residence, to feel in its entirety the identity of a nomad, not limited by the framework of livestock farming, but filled with images and ideas about their own traditional culture. These are the ideas about their culture, expressed most often in the understanding of nomadism as a mobile pastime, that determine the current ethnicity of the Mongols.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, nomadism, city, capital city, identity, self-consciousness, ethnicity, youth

Article info: received August 15, 2020; revised August 28, 2020; accepted September 7, 2020.

For citation: Terentyev V.I. (2020) Urban identity of modern Mongolian nomads. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 141–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149>

В Монголии существует два противоречивых друг другу культурно-смысловых пространства: столица и степь¹. Известные штампы о разнонаправленных процессах развития столицы и провинции и фактически о вечном социокультурном параллелизме центра и периферии в Монголии гиперболизируются и принимают гротескные формы.

В провинции кажущиеся новации, такие как спутниковая и мобильная связь, солнечные батареи, мото- и автотранспорт перекрываются тысячелетним неизменяемым способом выпаса скота, получения и переработки мясомолочной продукции и всей системой кочевой животноводческой жизнедеятельности. При желании в такой сумме разногласий можно увидеть черты неотрадиционализма (Неотрадиционализм..., 2019; Попков, Тюгашев, 2020) – сложно применимой к монгольским реалиям концепции, призванной в российской антропологической традиции объяснять современное возрождение этнической культуры у аборигенных сибирских народов, которое в ряде случаев несет в себе элементы театрализации и, по сути, не восстанавливает условную традиционную культуру, но конструирует иную.

Монголы-степняки не занимаются созданием и проектированием новых культурных про-

странств и мифов. Они продолжают транслировать исконно установленный образ жизни через кочевую традицию. Отмеченные выше новации не меняют содержания номадического мироощущения и времяпрепровождения. Монгол-кочевник живет тем, что для горожанина утеряно, но, несмотря на окружающие его урбанистические виды, продолжает быть точкой и перспективой, к которой направлены все пути поиска собственно «я». Значительная часть образов Монголии, распространенных в массовом сознании иностранцев, связана со степной кочевой культурой и историей страны и практически не проявляет в себе городское пространство Улан-Батора. Тем не менее именно в столице протекают все ключевые этнонациональные процессы (об этом более подробно см: Терентьев, 2014). Здесь воплощается в конкретной символике и механизмах национальная идеология.

Кочевничество не только как форма ведения хозяйства, но как компонент этничности, является одной из ключевых составляющих современной монгольской идентичности. Исследователи, констатирующие кризис номадизма в Монголии и ставящие вопросы о конце подобного рода производства (Humphrey, Sneath, 1999; Sneath, 2018), рассматривают преимущественно только внешнюю экономическую сторону явления. Особо отмечается постсоциалистическая реальность рыночной Монголии, в которой приватизация степных угодий и последовавшие за этим деление и огораживание мест традиционного выпаса скота свободу передвижения животноводов – саму

¹ В лексиконе современных монголов словом «город» (монг. *хот*) всегда обозначается Улан-Батор, по этой причине в нашем повествовании «город» и «столица» всегда являются синонимами, а слова «провинция», «сельская местность» (монг. *хөдөө*) и производное, русифицированное от последнего – «худон» служат синонимами слов «степь» и «кочевье».

основу существования номадизма (Myadar, 2011; Myadar, 2020).

Такие выводы о кризисе номадизма как формы хозяйствования присущи традиционному подходу к проблеме. В философских исследованиях в связи с постструктуралистским подходом изучаются «средовые условия формирования номадического образа жизни в культуре постмодерна», сам номадизм рассматривается как «культурная оппозиция любому порядку, власти» (Шляков, 2019. С. 5)². Важно обратить внимание на понимание номадизма (с точки зрения традиционных для модерна понятий блага и пользы) как бесполезное и асоциальное явление (Жакупбекова, 2018. С. 143).

Кочевничество противоречит здравому смыслу земледельца, кажется ему чем-то отсталым в его эволюционном воображении. Такое положение дел было концептуализировано еще А. Тойнби, согласно которому у кочевников нет ни будущего (при условии прекращения движения), ни истории (Тойнби, 2010). В некоторых случаях в последнее время подобное мышление, навязанное монголам общемировой модернизацией и глобализацией, начинает определять классический скотоводческий кочевой образ жизни как ретроградность, несоответствующую имиджу современной Монголии. Постмодернистская парадигма (Делез, Гваттари, 2010) в номадологии сводит на нет подобные рассуждения, отмечая несовместимость движения и статики и определяя кочевника как часть пространства.

Ментальные аспекты в антропологических исследованиях по Монголии остаются за пределами перечисленных публикаций. В отдельных случаях говорится о ключевой роли кочевой культуры в процессе выстраивания сегодняшней монгольской национальной идентичности (Szilagyi, 2016). Также отмечаются факторы, поддерживающие существование номадизма в современной Монголии: природно-климатический, демографический, экономический, зоологический, тех-

нологический, экологический и духовный (Жамбалова, 2017).

Изучая современный монгольский номадизм, учитывая всю хозяйственно-экономическую риторику, мы сконцентрируемся исключительно на самовосприятии монголов как нации кочевников. В определенных ситуациях данная идентичность становится доминирующей в самосознании, что позволяет отдельным представителям монгольской интеллигенции выбирать кочевничество в качестве собственной национальности (Барсболдт, 2019)³ и транслировать эту мысль вовне, конструируя и/или подпитывая у представителя иной культуры, проживающего за границей, облик Монголии как страны кочевников.

Столица является простором для генерирования различных образов, объектов и метафор, вступающих в конфронтацию с ценностями и нормами кочевой повседневности. Это говорит о разнотласии кочевого существования и оседлого, навязываемого городом. Сама кочевая культура отрицает, обесмысливает и исключает городскую оседлость, статику и неподвижность. Кочевники традиционно «отрицательно относились к городскому образу жизни», который «вызывает дискомфорт у привыкшего к вольнице номада» (Города средневековых империй, 2018. С. 281). В обозначенных условиях представление о монголах как о «нации горожан» (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 131) довольно условно. Возможно, статистика, согласно которой примерно 70 % населения страны «большую часть года проживают в городах» (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 154), а половина всех граждан Монголии сезонно находится в Улан-Баторе, не подтверждает наше предположение. В то же время качественные наблюдения и антропологическое изучение кочевничества как «состояние души, как суммы образов и представлений обо всех элементах кочевой культуры, перешедших на уровень самосознания» (Терентьев,

² Шляков А.В. Феномен номадизма в культуре постмодерна: дис. ... д-ра философ. наук. Тюмень: ТИУ, 2019. 328 с.

³ Барсболдт Д. По национальности – кочевник // Сайт «Радио Свобода». 10.05.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29926555.html> (Дата обращения 04.08.2020)

2019. С. 52) и установки большинства монголов на движение/мобильность позволяют несколько расширить выводы (Боталов, 2009; Дугаров, Голых, 2009; Терентьев, 2015) о городской идентичности монгольских кочевников.

Исторически города в Монголии не возникали автохтонно и в своем происхождении всегда имели внешнее влияние. Первый крупный город в истории монголов – столица империи Карокорум (монг. *Хархорин*) – создавался во 2-й четверти XIV в. именно как центр государства, геополитически столь необходимый в условиях доминирования над оседлыми цивилизациями. Уже сам основатель Хархорина и преемник Чингисхана Угэдэй не слишком радовал столицу своим присутствием, выбирая в качестве наиболее частого места пребывания сезонные пастбища. Кочевую традицию соблюдали и ханы-наследники: Гюк и Мункэ (Города средневековых империй, 2018. С. 291). После переноса столицы на территорию нынешнего Китая в 1260 г. Хархорин приходит постепенно в запустение и теряет свой статус.

Другие заметные городские поселения, такие как Ховд и Улиастай (монг. *Улясутай*), возникшие в 1 половине XVIII в., являлись китайскими крепостями, ставшими со временем центрами торговли. Современные авторы справедливо отмечают, что данные города «так и не стали монгольскими..., оставаясь ...китайскими в представлениях ...народа и по составу проживавшего в них населения (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 133).

Из этого ряда выпадает Урга (от монг. *Өргөө* – «Ставка») – будущий Улан-Батор. История Урги красочно воплощает два по своим смыслам разнонаправленных способа постижения («доместикации») пространства: мобильности и седентеризации. На начальном этапе город служил кочевой ставкой религиозного лидера Монголии – Богдогэгэна. Урга оседает по мере формирования провинциальной государственности и возникновения у цинских властей потребности в административно-политическом центре.

Создаваемые при социализме центры аймаков (крупнейших территориальных единиц в стра-

не) условно можно отнести к категории городов. На их фоне выделяются гг. Дархан и Эрдэнэт – промышленные центры и крупнейшие по численности населения пункты после Улан-Батора, – возникшие в 1960–1970-е гг.

Итак, градостроительство Монголии было всегда обусловлено внешними факторами: в имперский период непродолжительная столичная история Хархорина связана с выражением власти и политико-государственной атрибутивностью, известные города цинского периода (и существующие по ныне) – результат китайской колониальной политики, социалистические города – результат вторичного, промышленного освоения и административного деления территории страны.

Город разрушает структуру идентичности монгола-степняка, но желание к переселению в столицу сформировано аксиологическими параметрами. Городская идентичность, отягощенная столичным статусом Улан-Батора, становится более престижной и желанной, чем удел жителя худона. Кроме этого, стремление к переезду в город обусловлено конкретно-бытовыми обстоятельствами: доступным образованием, медицинским обслуживанием и разнообразной сферой досуга. Последняя, кстати, довольно часто сводится к коллективному посещению караоке, что можно связывать с возрождением в городских условиях общественных и/или семейно-родственных празднеств-найров (монг. *найр* – «пир, веселье, торжество»), которые обязательно наполняются совместным исполнением общеизвестных песнопений. В этом сюжете как раз видно проявление кочевничества или постномадизма как ментальной составляющей.

Если представители взрослого поколения не желают переселяться в город, то будущее своих детей им видится исключительно в столице, в единичных случаях – в Эрдэнэте. Это подтверждается как нашими полевыми исследованиями в Западной Монголии в 2008–2014 гг., так и материалами коллег из Бурятии (Бадараев, Бреславский, Гомбожапов и др., 2017. С. 83–87). Монголы в аймаках всегда гордятся своими родственниками, выехавшими в город и/или за границу и до-

бывшимися там определенных социальных успехов, охотно рассказывают про них и демонстрируют фотографии. К слову, подобные повествования часто резюмируются и объединяются одной мыслью, объясняющей причину склонности к переездам, кочевой натурой монголов.

Профессия скотовода также не пользуется популярностью среди монгольских подростков: только 1,7 % опрошенной Д.В. Ушаковым провинциальной молодежи видит себя занятыми в сельском хозяйстве (Кимеев, Ушаков, Акулова и др., 2013. С. 56). В городе эта цифра равна менее 0,5 % (Ушаков, 2016. С. 234). Парадоксальность, связанная с традиционной установкой на кочевой образ жизни и нежеланием передачи подобной модели существования потомкам, ведет к стремлению переехать на постоянное место жительства в Улан-Батор, в котором генерируется дух современной монгольской идентичности – кочевничество.

Город своим навязчивым космополитизмом вступает в противоречие с ценностями монгольского общества, традиционной культурой вообще и с каждым приехавшим из провинции монголом, вся индигенная идентичность которого направлена в прошлое, к мифологическим истокам своего народа. Отказ от социалистического архитектурного наследия, игнорирование музейного потенциала столичного пространства и фактически заполнение площадей одноликой застройкой, зачастую являющейся многотиражными китайскими высотками, порождает не-место и новую траекторию смыслов, далеких от тех, которыми до недавнего времени жила доминирующая часть монгольской нации.

Действительно, на фоне степного размеренного пейзажа столичный ландшафт поражает своей эклектичностью, в которой смешиваются частично музеефицированные буддийские монастырские комплексы (в охранной зоне некоторых из них возведены стеклянные высотные постройки), типовые жилые кварталы, возведенные не без советского влияния, современные паназиатские небоскребы, традиционные юрты и хаотич-

ный кирпично-бетонный самострой на городской периферии.

В этом новом квазикультурном окружении происходит активизация самопознания, изменяется структура национальной идентичности у каждого индивида, причем в зависимости от возраста это имеет свои особенности. Благодаря расположению в столице подавляющего числа учреждений высшего образования, студенческая молодежь и близкие к ним по возрасту подростки составляют большую часть горожан (по разным оценкам, до 60–70 % населения столицы). Они не стремятся к презентации в Улан-Баторе элементов традиционной материальной культуры, вливаясь в общечеловеческие модернизационные процессы, которые все чаще в последнее время развиваются по корейско-японскому сценарию, а не только по американскому, как это было раньше.

Молодежь игнорирует и не особо восторгается авторскими песнями (монг. *зохиолын дуу*), в которых воспевается малая родина автора. Соответственно, эти песни не пользуются среди молодых монголов популярностью в караоке. Данные произведения считаются признаком принадлежности художнику. Именно в этом случае слово «худон» переводится как «деревня» / «деревенщина», вмещая в себя все возможные негативные коннотации, синонимичные отсталости и бескультурью.

Помимо песенной традиции, очень важной чертой реанимации кочевой культуры в Улан-Баторе является облачение в традиционную одежду (монг. *дээл*), как минимум, во время празднования Нового года по лунному календарю (монг. *Цагаан сар*). Сегодня подростки в столице не испытывают особой этнической страсти к поддержанию этого обычая. По этой причине Правительство страны и активная общественность, настроенная на поддержание традиций, организует разнообразные флешмобы, призванные разжечь интерес у подростков к собственной культуре. Так, во время выборов в Великий государственный хурал 24 июня 2020 г. в интернете пропагандировалась идея посещения избирательных участков в национальных костюмах с последующим обяза-

тельным размещением фотоотчета на своих личных страницах в социальных сетях. Причем в глаза бросались встречающиеся несоответствия монгольского халата спортивной обуви и довольно распространенные стилизации под национальную одежду. Проблема эксплуатации национальной одежды в городе заключается в ее унификации и в периодичности облачения в *дээл*. Стандартизация фасона приводит, за редким исключением, к уничтожению этнических особенностей, по которым в традиционное время довольно легко можно было определить представителя той или иной этнической общности. Классические *дээл* становятся музейными экспонатами. Многие современные варианты далеки от аутентичности и больше похожи на сценические костюмы.

Также новой практикой становится празднование Цагаан сара молодыми семьями, что противоречит традиции. Ведь центральный сюжет Нового года сводится к посещению младшими старших, сопровождающемуся ритуальными приветствиями, преподнесениями подарков-отдарков, совместным вкушением пищи и распитием напитков. Но кто может прийти в семью, возраст старших представителей которой едва достиг 30-35 лет?

Главная причина, по которой вчерашние подростки организуют стол в Белый месяц – это красивые фотографии для социальных сетей, поскольку обычно на всю семью специально к празднику заказывают новые *дээл*, которые в остальное время года практически не используются. Демонстрация псевдотрадиционности во всемирной сети есть процесс создания для самих себя образа номадической культуры – фактически того кочевничества, которое становится стержнем самосознания.

Особую сложность вызывает трансляция идентичности среди поколения, родившегося в городе в постсоциалистическую эпоху и не имеющего комплексного представления о кочевой культуре. Поскольку государственный проект нациестроительства в последнее время также направлен на активное внедрение в национальную идентичность образов кочевой культуры, в школы

Монголии введен предмет «Гражданское образование» (монг. *Иргэний боловсрол*). На уроках данного предмета ученики с 1-го по 9-й класс изучают этническую (фактически – национальную) культуру (включающую праздники, пищу, одежду, жилище и т. д.), традиционный этикет и правила поведения в современном обществе. Культура монголов преподается фактически без выделения региональных особенностей различных этнических общностей. Максимальный акцент делается на общем – на кочевой культуре, которая объединяет всех граждан страны.

Кроме того, все учебные заведения общего образования в стране (в т. ч. частные и организуемые обучение по иностранным образовательным программам) (вне зависимости от учредителя, владельца и куратора) должны иметь в своей программе монгольский язык, монгольскую литературу, старомонгольскую письменность и историю Монголии. Данные дисциплины входят в состав Единого вступительного экзамена, который ученики государственных школ сдают в обязательном порядке, а ученики частных иностранных школ – по желанию. Так, у школьников, которые, вероятнее всего, не обратятся к номадическому образу жизни, формируется представление о кочевничестве.

Улан-Батор по своему смысловому содержанию становится суверенным городом-государством. Замкнутый в своем синкретизме и космополитизме, он противопоставляет себя степи – пространству кочевых традиций, воплощенных в конкретном образе жизни. Точечная застройка, нарушение всех планов и перспектив по оптимизации городской среды, вечное движение монгола к кочевничеству, тоска по малой родине, интеллектуальный фон, рисуемый интеллигенцией, давно оторванной от традиции, а также иностранное влияние, навязывающее Монголии извне образ страны номадов – все это генерирует нынешнюю монгольскую идентичность. Она в последнее время все чаще обращается не только и не сколько к образам имперского периода исто-

рии страны, но преимущественно – к компонентам кочевой культуры, переосмысленным в условиях городской среды.

Многие молодые монголы приезжают в столицу из степи, нацеленные на дальнейший выезд за рубеж. Но уже в результате переселения в Улан-Батор они становятся кочевниками онтологически, в абсолютном смысле, превращаясь в номадов не по способу хозяйственной деятельности, но по своему ментальному бытованию и мироощущению. Этот процесс схож с тем, что происходит в самоидентификации казахов, проживающих в культурно-языковом анклав Баян-Ульгийского аймака на западе страны. При переезде в город они начинают постигать монгольский язык и становятся постепенно частью монгольской нации, а не национальным меньшинством, затерянным на периферии русско-монгольского пограничья. Возможно, единственное обстоятельство, сдерживающее окончательную интеграцию в состав монгольской нации, по представлению этнического большинства, является отличительный антропологический тип казахов, демонстрирующий заметную внешнюю непохожесть на монголов.

Библиографический список

Города средневековых империй Дальнего Востока / ответственный редактор Н.Н. Крадин; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Москва : Издательство восточной литературы, 2018. 367 с.

Бадараев Д.Д., Бреславский А.С., Гомбожапов А.Д., Жамбалова С.Г., Цыбенков Б.Д. Кочевничество и миграции в современной Монголии, Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2017. 168 с.

Боталов С.Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Вып. 34. № 28 (166). История. С. 13–19.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.

Дугаров В.Д., Голых А.В. Развитие монгольского кочевого города: история и проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 130–133.

Именно в городе у недавно живших традиционными ценностями монголов, но оказавшимися в категорически иных культурных условиях начинается активный процесс самоидентификации. В этой связи стоит поставить вопрос о необходимости выделения, условно говоря, идеального образца монгольскости, существующего в реальности, а не только в воображении горожан. Безусловно, основными слагаемыми современной монгольской идентичности будут не только миражи кочевой культуры, застывшие на горизонте сознания монгола XXI в., активно вовлеченного в модернизационные процессы, которые, к слову, в последнее время протекают в азиатском ключе. В новую монгольскость добавятся буддийская религия, язык, исторические мифы и реалии. Очевидно, что время испытывает новую идентичность, и в результате гипотетической смены вероисповедания, трансформации и/или утери родного языка, окончательной мифологизации исторического сознания только очертания родной кочевой культуры будут прочно ассоциироваться в представлении мобильного монгола со своим собственным «я», связывающим его со своей родиной и своим народом.

References

Kradin N.N. (2018) Cities of medieval empires of the Far East. *Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN = Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 367 p. (In Russ.)

Badaraev D.D., Breslavskii A.S., Gombozhapov A.D., Zhambalova S.G., Tsybenov B.D. (2017) Nomadism and migration in modern Mongolia. Ulan-Ude : BNTs SO RAN. 168 p. (In Russ.)

Botalov S.G. (2009) Nomadic city as a special cultural phenomenon of the nomadic civilization of Eurasia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Chelyabinsk State University. History*. Iss. 34. No. 28 (166). P. 13–19. (In Russ.)

Delez Zh., Gvattari F. (2010) Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. 895 p. (In Russ.)

Dugarov V.D., Golykh A.V. (2009) Development of the Mongolian nomadic city: history and problems. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*. No. 7. P. 130–133. (In Russ.)

Жакупбекова Д.А. Понятие бесполезности в концептуализации номадизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3. С. 143–151.

Жамбалова С.Г. Феномен кочевого образа жизни в Монголии XXI в.: структура и факторы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 48–58.

Кимеев В.М., Ушаков Д.В., Акулова А.С., Терентьев В.И., Батсуурь Лхагвасурэн. Очерки Западной Монголии. Т. 2. Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и Российского Саяно-Алтая. Кемерово : Офсет, 2013. 199 с.

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. СПб. : Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : НГТУ, 2020. 256 с.

Терентьев В.И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // Азия и Африка сегодня. 2014. № 5. С. 20–26.

Терентьев В.И. Монголия. Кочевники в городе // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 25–29.

Терентьев В.И. Улан-Батор как не-место // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. С. 51–56. DOI: 10.31857/S032150750004384-4

Тойнби А.Дж. Постижение истории. М. : Айрис-пресс, 2010. 640 с.

Ушаков Д.В. Этносоциальный портрет молодежи Улан-Батора и российско-монгольские отношения // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 3. С. 222–238.

Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia. Cambridge-Durham : Duke University Press., 1999. 356 p.

Myadar O. Imaginary Nomads: Deconstructing the Representation of Mongolia as a Land of Nomads // Inner Asia. 2011. Vol. 13. № 2. P. 335–362.

Myadar O. Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia. London : Routledge Press., 2020. 136 p.

Sneath D. Mongolia Remade: Post-socialist National Culture, Political Economy, and Cosmopolitics, Amsterdam : Amsterdam University Press, 2018. 226 p.

Szilagyi Z. Lingering Nomad Ideology in 21st Century Mongolia // Acta Ethnographica Hungarica. 2016. № 61 (1). P. 197–212.

Zhakupbekova D.A. (2018) The concept of uselessness in the conceptualization of nomadism. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 3. Social Sciences.* Vol. 13. No. 3. P. 143–151. (In Russ.)

Zhambalova S.G. (2017) The phenomenon of the nomadic way of life in Mongolia in the XXI century: structure and factors. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of social and economic development of Siberia.* No. 3 (29). P. 48–58. (In Russ.)

Kimeev V.M., Ushakov D.V., Akulova A.S., Terent'ev V.I., Batsuur' Lkhagvasuren. (2013) Essays on Western Mongolia. Vol. 2. Ethnocultural interactions between the peoples of Western Mongolia and the Russian Sayano-Altai. Kemerovo: Ofset. 199 p. (In Russ.)

(2019) Neotraditionalism: an archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes. St. Petersburg: Tsentr informatizatsii obrazovaniya "KIO". 320 p. (In Russ.)

Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2020) Ethnocultural neotraditionalism and identity in contemporary sociocultural transformations. Novosibirsk: NGTU. 256 p. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2014) Mongolia: modern mechanisms of national consolidation. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 5. P. 20–26. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2015) Mongolia. Nomads in the city. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 3. P. 25–29. (In Russ.)

Terent'ev V.I. (2019) Ulaanbaatar as a non-place. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today.* No. 4. P. 51–56. DOI: 10.31857/S032150750004384-4 (In Russ.)

Toinbi A.Dzh. (2010) Comprehension of history. Moscow: Airis-press. 640 p. (In Russ.)

Ushakov D.V. (2016) Ethnosocial portrait of Ulan Bator youth and Russian-Mongolian relations. *Sibirskii filosofskii zhurnal = Siberian Philosophical Journal.* Vol. 14. No. 3. P. 222–238. (In Russ.)

Humphrey C., Sneath D. (1999) The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia. Cambridge-Durham : Duke University Press. 356 p. (In Eng.)

Myadar O. (2011) Imaginary Nomads: Deconstructing the representation of Mongolia as a Land of Nomads. *Inner Asia.* Vol. 13, № 2. P. 335–362. (In Eng.)

Myadar O. (2020) Mobility and Displacement: Nomadism, Identity and Postcolonial Narratives in Mongolia. London : Routledge Press. 136 p. (In Eng.)

Sneath D. (2018) Mongolia Remade: Post-socialist National Culture, Political Economy, and Cosmopolitics, Amsterdam : Amsterdam University Press. 226 p. (In Eng.)

Szilagyi Z. (2016) Lingering Nomad Ideology in 21st Century Mongolia. *Acta Ethnographica Hungarica.* № 61 (1). P. 197–212. (In Eng.)

Критерии авторства

В.И. Терентьев выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Терентьев Владислав Игоревич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
210351, Улан-Батор, пр. Мира, 131, Монголия,
✉ e-mail: vlad33@bk.ru

Attribution criteria

V.I. Terentyev performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vladislav I. Terentyev,
Cand. Sci. (History), Senior Lecturer,
Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar
branch,
131, Peace Avenue, Ulaanbaatar 210351, Mongolia,
✉ e-mail: vlad33@bk.ru